

Положительным следует считать включение особого отдела «Культура древнего Китая». Здесь вскрыта классовая сущность и направленность идеологических школ, борьба материалистических идей с идеализмом. Однако хотелось видеть в этом отделе более детальное освещение уровня развития научных знаний, литературы и искусства древнего Китая.

XX глава учебника будет служить хорошим пособием для студентов. В то же время очевидна необходимость дальнейших серьезных исследований основных вопросов истории Китая. История великого китайского народа требует в наших учебных курсах более полного освещения.

Л. В. Симоновская

Г. А. МЕЛИКИШВИЛИ. Урарту, Научно-популярный очерк по истории предков грузинского народа, Тбилиси, 1951, (на груз. языке)¹;— Он же, О происхождении грузинского народа, Тбилиси, 1952, 52 стр., тираж 8000 экз., цена 1 руб.

Выход в свет научно-популярного очерка по истории Урарту, написанного одним из лучших специалистов по урартской филологии и истории — Г. А. Меликишвили, не может не вызвать интереса как специалистов-историков, так и всех, кто интересуется данным кругом вопросов: в работах автора книги впервые был намечен подход к раскрытию социально-экономической истории Урарту, ему принадлежит ряд интересных этюдов по специальным вопросам урартоведения, а также образцовое издание всех урартских текстов (ВДИ, 1953, № 1—4). Несмотря на популярный характер рецензируемой книги, в ней должны были отразиться новейшие исследования автора, и читатель ожидает, что в ней будет дана цельная концепция истории Урарту. Правда, важнейшие из этих работ вышли позже рецензируемой книги, но материал их, несомненно, уже был в распоряжении автора при ее написании. Книга предназначена для грузинского читателя, и это придает ей особое значение: вопрос о грузино-урартских культурных, исторических и языковых связях исследовался далеко недостаточно².

К сожалению, автор сам себя чрезмерно ограничил: книга в целом трактует историю Урарту только в аспекте грузинского этногенеза; она представляла бы еще больший интерес, если бы в ней были освещены более подробно вопросы этногенеза и других народов Закавказья, в частности армян, а также общие проблемы истории Урарту и его роли в историческом развитии рабовладельческого общества в целом. Наконец, если раньше, за полным — как предполагалось до недавнего времени — отсутствием материалов, вопросы социально-экономической истории Урарту оставались неосвещенными, то теперь, после работ самого Г. А. Меликишвили, посвященных именно этой стороне урартской истории³, странно, что в рецензируемой книге так скудно отражена социально-экономическая история Урарту. Ведь нельзя считать, что социально-экономические вопросы не имеют значения для поставленной автором темы, хотя бы и в плане этногенеза.

¹ Выражаю искреннюю благодарность К. А. Ракитиной за ее помощь в работе над грузинским текстом книги.

² О грузино-урартских лингвистических соотношениях писал много лет назад Н. Я. Марр. Все приводимые им соображения следует считать отпавшими, прежде всего в силу порочности методологии Н. Я. Марра. К тому же само определение значения урартской лексики в науке того времени было ошибочным; достаточно сказать, что из предложенных Н. Я. Марром и собранных И. И. Мещаниновым в I томе «Языка ванских клинописных надписей» грузино-урартских сопоставлений вряд ли хоть одно сохраняет силу сегодня. Других работ в этой области очень немного.

³ «Некоторые вопросы социально-экономической истории Урарту», ВДИ, 1951, № 4, стр. 22 сл.

Однако те вопросы, которые нашли освещение в книге Г. А. Меликишвили, в особенности вопросы внешнеполитической истории и вопросы грузинского этногенеза, получили яркую и оригинальную трактовку.

Основные положения книги в плане этногенетическом повторены Г. А. Меликишвили в лекции «О происхождении грузинского народа», изданной Обществом по распространению политических и научных знаний Грузинской ССР и также представляющей незаурядный научный интерес. В обеих работах затронуты не только вопросы грузино-урартских связей, но и более широкие вопросы связей грузинского народа с народами древнего Востока.

Раскрывая глубокую ошибочность восходящего к Н. Я. Марру учения о «скачкообразных» этнических превращениях, автор подчеркивает, что для вопросов этногенеза ведущее значение имеют труды И. В. Сталина по языкознанию. Действительно, эти труды содержат ряд важнейших теоретических указаний, непосредственно касающихся вопросов этногенеза не только в отношении языковой стороны дела, но и более общего характера. Г. А. Меликишвили правильно подчеркивает значение языка как этнического признака; некоторые наши этногенетики до недавних пор слишком часто грешили поверхностным, легкомысленным и ненаучным подходом к языковому материалу, опираясь на поверхностное сходство этнических и топонимических названий и игнорируя внутренние законы развития языка, чему немало способствовало распространение антинаучных теорий Н. Я. Марра. Поэтому следует приветствовать всякое подчеркивание значения лингвистики для вопросов этногенеза.

Однако вряд ли можно считать, что вопрос языковой принадлежности всюду и всегда является ведущим в этногенетической проблеме. В самом деле, в той же истории Ближнего Востока мы знаем множество примеров того, что древний язык местного населения, как на то указывает И. В. Сталин, может вытесняться (не в порядке насильственной ассимиляции!) другим языком. Однако родство более позднего местного населения со своими иноязычными предками остается и в этом случае несомненным и может оказаться более важным фактором в этногенезе, чем языковое родство с другими народами — носителями языка-победителя или близких к нему языков.

Нам кажется, что автор недостаточно использует марксистско-ленинское учение о нации. Хотя отличительные признаки нации нельзя безоговорочно переносить без изменения на народность и племя, однако при разрешении этногенетических вопросов, даже для древнейших обществ, вряд ли можно обойтись без учета таких факторов, как общность территории и в особенности общность экономической базы племен и народностей древности. Систематический анализ этих моментов значительно облегчил бы автору правильное определение роли различных племен и народностей в этногенезе грузинского народа.

Что касается конкретных связей, устанавливаемых автором между грузинским народом и рядом народов и племен древности¹, то здесь с ним не во всем можно согласиться. Его выводы сводятся в основном к следующему. Этнически грузинские племена тесно связаны с населением древней Месопотамии, Малой Азии и Ирана. По своему антропологическому типу шумерийцы, хетты, хурриты и другие народы древнего Востока являются представителями кавказских народов. С точки зрения материальной и духовной культуры, грузинские племена находились в тесной связи с народами, жившими к югу от Закавказья. То же можно сказать и о языке: картвельские языки имеют сходство с такими древневосточными языками, как шумерский, «протохеттский», хурритский, урартский, эламский (книга, стр. 9).

Признавая, что непосредственных черт родства между грузинским языком и языками большинства перечисленных народов не наблюдается, Г. А. Меликишвили замечает: «Достаточно отметить, что перед нами для сравнения языковой материал совершенно различных эпох, отделенных друг от друга целыми тысячелетиями» (лекция,

¹ См. специальный раздел лекции «Родственные грузинам древневосточные племена и народности».

стр. 12). С таким доводом согласиться трудно: факт отдаленности во времени несходных языковых явлений не может сам по себе служить доказательством их первоначальной близости. К тому же, например, несийский (так называемый «хеттский») язык не менее отдален во времени от ряда других индоевропейских языков, и все же мы без труда узнаем в нем язык индоевропейской семьи, в силу сохранения многих черт основного словарного фонда и грамматического строя. Ничего подобного при сравнении грузинского языка, например, с шумерским, не наблюдается, поэтому предположение автора о том, что «дальнейшее исследование как грузинского и других кавказских языков, так и мертвых языков вышеназванных народов древнего Востока, несомненно, подтвердит существующее между ними родство» (лекция, стр. 13), пока ничем не подтверждается и остается голословным.

В указанных выводах Г. А. Меликишвили, хотя и высказанных в более осторожной форме, сказываются не вполне преодоленные воззрения покойного С. Н. Джанашиа¹, восходящие к обычному прежде смешению всех неиндоевропейских и несемитских языков и народов древнего Востока в одну общую группу «азиатических», «кавказоидных», или (по Н. Я. Марру) «яфетических». На самом же деле, отдельные представители этой мнимой группы языков имеют между собой почти так же мало общего, как, скажем, индоевропейские и семитические языки. По крайней мере, более тесные связи между ними не доказаны: шумерский язык не имеет явных точек соприкосновения с хурритским и урартским, последние два языка не обнаруживают пока сходства с хаттским («протохеттским»), и все они имеют мало сходства с эламским².

Таким образом, речь идет вовсе не о том, что за давностью лет стерлись черты близости между древневосточными и кавказскими языками. Подлежит сомнению сама близость отдельных древневосточных языков между собой. Поэтому, если картвельские языки стоят в какой-то связи с одним из этих языков, они вряд ли могут быть родственны остальным. Что же касается сходства древневосточных языков с кавказскими в области грамматики, то дело идет почти исключительно о так называемой эргативной конструкции и ряде грамматических явлений, косвенно связанных с ней же³. Такое очень общее сходство грамматического строя решительно ничего не доказывает. В самом деле, противоположная эргативной номинативная конструкция наблюдается в столь резко различных семьях языков, как семитская, тюрко-монгольская, финно-угорская, индоевропейская и ряд других; однако никто на этом основании еще не пытался доказывать языкового родства, например, между арабами, монголами, финнами и русскими.

Единственным надежным свидетельством языкового родства являются за ко н о м е р н ы е фонетические соответствия (главным образом за ко н о м е р н ы е р а с х о ж д е н и я), охватывающие массу основного словарного фонда сравнивае-

¹ На мнение С. Н. Джанашиа о родстве «азиатических» или «субарейских» народов с «хетто-иберскими» ссылается в данном случае и Г. А. Меликишвили (книга, стр. 20). Следует указать, что термин «хетто-иберские языки» создает ряд неудобств. В самом деле, в древности под названием «хетты» фигурируют народы самой различной языковой принадлежности: не только хатты или так называемые «протохетты» (к которым первоначально только и относился термин «хетты»), близость языка которых к картвельским или иберским более или менее вероятна, но и индоевропейские по языку несийцы, лувийцы, носители языка «хеттских» иероглифических надписей. В первом тысячелетии до н. э. ассирийские источники относят к «хеттам» даже семитов Сирии и Палестины.

² Противоположного мнения придерживался ряд авторитетных ученых, однако явных доказательств родства между всеми упомянутыми языками пока не представлено.

³ Сущность этой конструкции заключается в том, что подлежащее переходного глагола выражается особым косвенным падежом, а прямое дополнение переходного и подлежащее непереходного глагола — прямым, чаще всего неоформленным падежом, причем обычно отсутствует система залогов.

мых языков, а также каркас их грамматической структуры. В этом плане представляется интересной попытка Г. А. Меликишвили (книга, стр. 143—144; лекция, стр. 40 сл.) обнаружить лексические связи между грузинским и урартским. Как уже указывалось, первая попытка такого рода, предпринятая Н. Я. Марром, оказалась несостоятельной; в то же время связи подобного рода или, по меньшей мере, словарные заимствования бесспорно должны существовать. Г. А. Меликишвили справедливо указывает на то, что «перед специалистами по картвельским и кавказским языкам (мы бы прибавили — и перед специалистами по древневосточным языкам.— *И. Д.*) стоит большая задача исследования» схождения между картвельскими и древневосточными языками (книга, стр. 9). Можно надеяться, что сам Г. А. Меликишвили докажет закономерный и систематический характер подмеченных им схождения. Пока приводимый им материал носит все же случайный характер, и языковое родство им не доказывается.

В отношении проблемы родства хуррито-урартских с картвельскими народами мы, к сожалению, до сих пор еще не ушли дальше одного из первых исследователей хурритского языка — Ф. Борка. До сих пор не опровергнута его формулировка: «Митаннийский язык¹ не является южнокавказским (т. е. картвельским.— *И. Д.*)... митаннийский язык не является также и северо-кавказским; это, вероятно, переходная группа совершенно самостоятельного характера»². Во всяком случае уже полное отсутствие в хуррито-урартских языках принципа префиксации, столь характерного для картвельских языков, заставляет с осторожностью отнестись к непосредственному сопоставлению этих языковых групп. Еще дальше от грузинского отстоит шумерский язык; также и эламский язык и языки племен Загроса составляют совершенно особую группу³. Близким к грузинскому является, повидимому, лишь «протохеттский» язык.

Вряд ли следовало привлекать антропологический момент для доказательства этногенетической связи грузинского народа с древним Востоком. Этот фактор, как указывает и Г. А. Меликишвили, сам по себе имеет минимальное значение, когда речь идет не о признаках прямого происхождения, а об этническом родстве или близости с другими народами; близость народов, конечно, определяется не столько цветом волос, формой черепа, носа и т. п., сколько близостью языка, культуры, исторических традиций и т. д. Но какова бы ни была значимость этого фактора, перечисленные автором народы не представляют единства и в антропологическом отношении, в противоположность указанию Г. А. Меликишвили (книга, стр. 9): хетты-несийцы, хурриты, повидимому и урарты, а в равной степени и такие семитские народы, как ассири-вавилоняне, финикийцы, евреи и др., принадлежали антропологически к «арменоидному» или «ассироидному» типу; но к нему, насколько возможно судить, не принадлежали ни шумерийцы, ни эламиты; не принадлежат к нему по большей части и современные грузины, для которых вовсе не характерен, например, мясистый, орлиный или загнутый нос, являющийся типичнейшей чертой «ассироидов». Грузины принадлежат в большинстве, как известно, к одному из подтипов средиземноморского антропологического типа.

Несмотря на эти, с нашей точки зрения, неоправданные положения, рецензируемая работа является в ряде других отношений шагом вперед в данной области грузинской советской историографии, многие представители которой до сих пор слишком часто были склонны к совершенно недифференцированному подходу к древневосточным языкам и народам, а в ряде случаев и к поспешным обобщениям, не оправданным фактическим историческим и филологическим материалом. В противовес этому, Г. А. Меликишвили, хотя и берет за общую скобку столь разные и различные

¹ Так Ф. Борк называл хурритский язык.

² F. B o r k, Die Mitanni-Sprache, MVG, 1909, стр. 76—78.

³ Титул эламских царей «суккалмах», которым оперирует Г. А. Меликишвили, является шумерской идеограммой, эламское чтение которой неизвестно; поэтому сопоставление термина «суккалмах» с груз. «Сулкалмах» не доказывает грузино-эламских связей.

по происхождению языки и народы, тем не менее в дальнейшем проявляет большую осторожность, чем его предшественники. Указывая на возможное, с его точки зрения, родство грузин по языку с хуррито-урартами, он справедливо уделяет главное внимание тому факту, что ряд хуррито-урартских племен, независимо от их языковой принадлежности и связей, влились в состав картвельской племенной группы и тем самым сыграли значительную роль в этногенезе грузинского народа (книга, стр. 16 сл.). Этот вопрос подробнее разбирается автором ниже. Однако следовало бы подчеркнуть, что хуррито-урарты включались также и в другие племенные группы и сыграли важную роль в этногенезе не одних только грузин.

Начало книги Г. А. Меликишвили посвящено «Наири-урартским народам до образования Урартского царства». Большим его достоинством является то, что она рассматривает урартскую предисторию на широком фоне исторических судеб хуррито-урартских племен вообще. Историю этих племен автор начинает со времен хурритантанийской гегемонии в южных и юго-западных частях Армянского нагорья в XVII в. до н. э. После окончательного падения государства Митанни и прихода арамеев в Месопотамию в конце II тысячелетия до н. э. центр политической жизни хуррито-урартских племен отодвигается к северу. Г. А. Меликишвили в этой и следующей главах показывает возникновение здесь не одного, а нескольких объединений, которые были в разной степени захвачены процессом классового образования, и поэтому мы с большим или меньшим основанием можем некоторые из них называть государствами. К сожалению, автор уделяет мало внимания этой стороне вопроса; не всегда ясно, какие из упоминаемых им объединений носили племенной характер и какие являлись уже государственным образованием. Автор упоминает о следующих объединениях: Дайаэни в долине реки Чороха; Урарту, под которым в ассирийских источниках сначала понимается царство Арама с центром в Арзашку, а затем царство династии из племени бианов с центром в Тушпе, на восточном берегу озера Ван; Напри-Хубушка и Мусасир к югу от озера Ван, Манна к югу от озера Урмия. К этим объединениям можно было бы добавить еще Шубрию (= Арме?) в Сасунских горах, Мелитену-Камману и др. Некоторые из этих государств и объединений имели, в основном, хурритский этнический состав (западные Дайаэни, Напри-Хубушка, Куммухи, Сухми — мы бы прибавили, пожалуй, и Шубрию), другие, в основном, урартский (Урарту, Мусасир и, может быть, племена Айраратской низменности¹), третьи, по мнению автора, — смешанный (Манна). Следует подчеркнуть большую заслугу автора, впервые попытавшегося дифференцировать этнический состав и историческую роль этих отдельных объединений и основывающегося в своих выводах на действительном географическом расположении указанных стран².

● Однако автор уделяет совершенно недостаточное внимание процессу классового образования у хуррито-урартских племен. Переход от племенных объединений к государственным не раскрыт как качественное изменение, а между тем и для вопросов этногенеза социально-экономические моменты имеют существенное значение: в связи с классовым образованием начинается процесс образования народностей на месте племен; племенные языки начинают заменяться языками народностей, а главное, меняется характер взаимоотношений между отдельными этносами и внутри этноса;

¹ Определение племен Айраратской низменности, как урартоязычных, представляется весьма важным; к сожалению, Г. А. Меликишвили не развили пока полной аргументации этого своего положения: окончания *-хи*, *-ни*, на которые он ссылается в тексте лекции (стр. 18) могут быть и хурритскими.

² Беззаботность в отношении достижений истории и исторической географии древнего Востока, проявлявшаяся предшественниками Г. А. Меликишвили, видна из того, что, например, С. Н. Джанашиа, несмотря на ясные указания ассирийских и урартских источников, переносил государство Манна с берегов озера Урмия на... берега реки Куры! См. С. Н. Джанашиа, Древнейшее народное свидетельство о первом месте поселения грузин в свете истории Ближнего Востока, Изв. Груз. ФАН, Тбилиси, 1940.

усиливается роль завоеваний; сталкиваются культуры классовых и доклассовых обществ и т. п.

Одной из важнейших причин сложения различных хуррито-урартских объединений и постепенного выделения Урарту автор считает борьбу с ассирийской агрессией. Он полагает, что урартские цари из племени биаинов, начиная с Сардури I, принадлежали к особой тушпской династии, отличной от правителей города Арзашку, представителем которых был разгромленный Салманасаром III царь Арам. Именно разгром царства Арама и послужил к возвышению Тушпы и ее династии. Это мнение представляется нам несколько спорным: ведь нигде не видно, что взятый Салманасаром III Арзашку был столицей государства¹ и что Арам правил не в Тушпе.

Вызывает сомнение соображение автора о роли иранского элемента в Мусасире (стр. 55). Анализируя имя богини Багмашту, супруги мусасирского бога Халди, Г. А. Меликишвили присоединяется к точке зрения об иранской этимологии этого имени (*bagā mazda* «бог премудрый»; ср. *Ahura-mazda* «дух премудрый»).

Однако эта этимология более чем сомнительна. Прежде всего, Багмашту — богиня, а Ахурамазда — бог; затем чтение «Багмашту» может быть заменено равноправным чтением «Багбарту»²; наконец, возможность передачи иранск. *d* при помощи аккадск. *t* весьма сомнительна³. Скорее мы должны рассматривать имя «Багмашту || Багбарту» как семитизованное местное имя, с аккадским женским окончанием *-tu*. Даже и в расположенной далее к востоку Манне нельзя преувеличивать иранский элемент: в IX—VIII вв. он едва ощутим.

К сожалению, автор не пытается раскрыть политические, стратегические и экономические цели тех или иных упоминаемых им ассирийских и урартских походов. Так, например, не объяснены причины важных урартских походов в западные, хеттско-арамейские районы, в Закавказье и т. п. Задача эта, бесспорно, весьма трудна, однако хотя бы некоторую наметку для разрешения проблемы, нам кажется, Г. А. Меликишвили все же должен был дать.

Весьма интересны приводимые автором данные об урартских религиозных верованиях; ряд деталей является новым.

Г. А. Меликишвили присоединяется (стр. 122 сл.) к общепринятому мнению о том, что урарты упростили клинопись, воспринятую ими от ассирийцев. Однако эта точка зрения представляется спорной: число ходовых клинописных знаков в урартских надписях не меньше, чем, например, в хеттских или старовавилонских текстах, при этом почти каждая новая надпись, не совпадающая по тексту с уже известными, дает новые идеограммы или новые значения знаков. Вероятно, полный список знаков урартской клинописи мало отличался от ассирийского силлабария.

Наиболее спорные моменты содержатся, естественно, в главе «Страна Наири-Урарту после падения Урартского царства», так как материал скуден и здесь поневоле приходится прибегать к гипотетическим построениям. Автор здесь вновь повторяет положение о родственности грузин едва ли не всем народам древнего Востока, кроме индоевропейских и семитских. На спорность этого положения мы уже указывали: грузинский народ может быть родственен некоторым народам древнего Востока, но вряд ли он родственен всем. Зато правильно теоретически важное положение, что «уже... во время существования великих хетто-субарских государств, картвельские племена, жившие в Закавказье, должны были иметь свою языково-племенную индивидуальность, которая отличала бы их от родственных народов древнего Востока» (книга, стр. 128).

Автор обращает внимание на то важное обстоятельство, что хотя по языку области южного Закавказья, вошедшие в состав Урарту, были хуррито-урартскими, тем не

¹ Термин «царский город» означает всего лишь «царский административный центр», но не обязательно столицу.

² Знак *maš* читается также и *baš*.

³ Иранская этимология этого имени предложена П. Ростом. см. MVG, 1897, стр. 189. В СССР сторонником теории Роста является акад. В. В. Струве.

менее по культуре они тяготели к более северным районам Закавказья, где автор постулирует существование мощных грузинских племенных объединений, связанных, еще во II тысячелетии до н. э. с культурой Триалети. В связи с этим Г. А. Меликишвили пишет (книга, стр. 129): «В IX—VII вв. урартские цари сумели вырвать из сферы политического влияния грузинских племен целый ряд районов южного Закавказья (районы Севанского озера, Араратскую долину, районы Лениакана, Карса и пр.), но на севере их выступления не удалась, конечно, благодаря сопротивлению, оказанному грузинскими объединениями». Этот вывод представляется нам поспешным и неоправданным. В самом деле, автор правильно указывал на необязательность совпадения в это время языковых и культурных границ; но если носителями культуры, восходящей к культуре Триалети (следовало бы добавить: и Кировакана), наряду с грузинскими племенами, могли быть и хурриты Дайаэни-Диауэхи и урартоязычное население Айраратской долины (а к этому сводятся выводы самого Г. А. Меликишвили — см. стр. 129), то почему же ее носителями не могли быть, скажем, также и утии или еще какие-либо иные, неизвестные племена древнего центрального Закавказья? Почему считать, что Урарту вырвало в се южные области Закавказья из-под политического влияния именно грузинских племен? Грузинские племена, несомненно, были в числе носителей этой культуры в Закавказье. Лишь для областей западного Закавказья: Джавахетии (Забахи), Тао-Кларджетии (Диауэхи, Катарзы и т. п.) и соседних районов, с одной стороны, и Колхиды (Кулхи)¹ и других более северных районов, с другой, несомненно правильно положение Г. А. Меликишвили о том, что урарты вырвали южные районы из-под влияния грузинских племен, но не смогли захватить северных. Но для районов центрального Закавказья (Айраратская низменность и другие районы современной Советской Армении) дело обстоит иначе. Сам автор выше (стр. 69, 81) высказывает мнение о языковой близости племен центрального Закавказья к урартоязычной части хуррито-урартов; следовательно, они не были родственны грузинским племенам, во всяком случае по языку. Именно эти племена, очевидно, и составляли здесь ядро племенного объединения, так как нет основания полагать, что в се племена Закавказья были тогда охвачены о д н и м объединением, несмотря на общность их культуры. Наоборот, данные надписей явно говорят о н е с к о л ь к и х объединениях; если западные могли быть хурритскими или хуррито-грузинскими, или грузинскими, то относительно центральных это маловероятно. Поэтому вряд ли возможно поддерживать тезис о гегемонии грузинских племен в центральном Закавказье.

Следовало бы также отметить, что подобно тому, как хуррито-урартские, грузинские и другие племена создавали общую местную культуру, так и сама более высокая культура Урарту была, конечно, созданием не только небольшого племени бианов, но и других племен, в том числе грузинских и преармянских.

Нельзя согласиться с некоторыми положениями Г. А. Меликишвили о роли скифов в падении древневосточных государств и в этногенезе народов Закавказья (стр. 130 сл.). Опираясь на исследования акад. И. Джавахишвили, автор видит в скифо-сарматах «в основном... северо-кавказские родственные племена (адыге, чеченцев, лезгинов)». Это, без сомнения, неверно. Несмотря на попытки Н. Я. Марра доказать «яфетический» характер языка скифов, имеющийся обильный материал и работы Вс. Миллера, Томашека, М. Фасмера, В. И. Абаева, венгерского ученого Жарматты и ряда других лингвистов совсем несомненно показывают индоевропейский характер языка скифов. Язык скифов, повидимому, принадлежал к так называемой «восточно-иранской» группе и был наиболее близок языку древнего Хорезма и, в особенности, современному осетинскому языку. В сводке В. И. Абаева² приведено более 200 бес-

¹ Замечания, посвященные развитию древнейшей Колхиды, принадлежат к наиболее интересным в этой главе. Но следует ли уже для столь раннего времени называть Колхиду «царством»?

² «Скифский язык» в сб «Осетинский язык и фольклор», I, М.—Л., 1949, стр. 147 сл. Сводка использует богатые данные, собранные русским языковедом до Н. Я. Марра, дополняя их собственными наблюдениями В. И. Абаева.

спорно установленных корней¹ основного словарного фонда скифского языка. Отделять сарматов² от скифов в этом отношении у нас нет никаких оснований. Другое дело, что и предки современных северокавказских народов, таких, как адыге, чеченцы и др., были столь близки по культуре к собственно скифам и сарматам, что греки, не понимавшие ни скифского, ни этих языков, относили и их по большей части к скифам или сарматам.

Это отнюдь не обесценивает замечаний Г. А. Меликишвили относительно восходящих к глубокой древности связей между северокавказскими народами и древним Востоком. Так, заслуживает исключительного внимания сопоставление кашкейцев и абешлайцев с абхазо-черкесскими племенами «косогов»-«кашагов» и «апшила» (стр. 131). Общность этнонимов в области северо-западного Кавказа и у горцев северной периферии Хеттского царства может объясняться языковой и этнической близостью племен в пределах приморской полосы от гор Понта до Кубани. Свидетельством однородности населения указанной полосы в это время (по крайней мере культурной) является единство колхидо-кобанской культуры на всем протяжении от северных склонов Кавказского хребта до Лазистана.

Возвращаясь к вопросу о скифах. Нам кажется, что Г. А. Меликишвили значительно упрощает вопрос об их историческом значении в период падения Ассирии и Урарту, сводя их значение главным образом к роли наемных отрядов на службе тех или иных древних государств и даже племенных объединений. Так, автор заявляет, что «таким образом, в начале VI в. урартские крепости в Закавказье (Тейшебаини.— И. Д.) были разгромлены северными грузинскими объединениями вместе со скифскими отрядами, находившимися у них на службе» (книга, стр. 136; лекция, стр. 36 сл.).

Этот вывод не может быть подтвержден фактами. Само взятие Тейшебаини скифами, на чем настаивает Б. Б. Пиотровский, подвержено известному сомнению. Мы знаем лишь, что войска, осаждавшие крепость, пользовались стрелами с наконечниками так называемого «скифского» типа. Однако эти наконечники стрел обнаруживаются — в том числе и как местные изделия — на огромной территории, вплоть до Бактрии и Египта, и нередко встречаются в таких местах, где скифов в качестве осаждавших заведомо не могло быть (например, у стен Вавилона). Все остальные вещи скифского типа на Кармир-блуре либо несомненно относятся ко времени существования крепости и свидетельствуют о мирных сношениях со скифами, либо во всяком случае могут быть истолкованы в этом смысле. Урарту как государство, с чем согласен и Г. А. Меликишвили, было разрушено Мидией, а не скифами. В разрушении Урарту, несомненно, приняли участие и местные закавказские племена; но, как уже указывалось, эти племена вовсе не обязательно были только грузинскими.

С другой стороны, неясно, продолжала ли урартская администрация в прежнем виде существовать в Кармир-блуре (Тейшебаини) к моменту падения крепости. С каждой кампанией раскопок усиливается вероятность того, что урартские наместнические вещевые склады и кладовые были разграблены еще до падения крепости с а м и и о с а ж д е н н ы м и, которые, впрочем, сами были людьми урартской культуры. Если такое заключение правильно, то, видимо, это означало бы, что реальной власти урартского наместника в Кармир-блуре уже не существовало, и весьма возможно, что власть была у же в руках приобретших независимость закавказских племен; в таком случае было бы неправильно рассматривать осаждавших как представителей племен, борющихся за освобождение от урартской власти. Неизвестно, таково ли именно

¹ Это больше общего количества урартских слов, значение которых установлено.

² Произвольное рассечение покойным акад. И. А. Джанахишвили термина «сармат», почти в духе «палеонтологического анализа», на два элемента: «сар» и «мат» — крайне неудачно: основа здесь, вне всякого сомнения, «сарма-», «саврома-» (на что указывает и сохранившееся в качестве личного имени «Саурма-г», — единственное число этого слова); что касается -т, то это, разумеется, скифский суффикс множественного числа, десятки раз встречающийся в скифских племенных названиях.

должно быть толкование последних судеб Тейшебаини, но мы хотим лишь отметить невозможность пока однозначно решить этот вопрос. Во всяком случае, нет никаких оснований видеть в осаждавших крепость войсках грузинские племена, а н и м а в ш и е скифов; это само по себе маловероятно при существовавшем уровне развития этих племен: приобретать наемные войска из кочевников могли отдельные государства, но вряд ли племена. С тем же или большим успехом можно утверждать, что эти скифы — если это были скифы — были на службе у мидян или арменов, или вообще не были ни на чьей службе.

Кроме того, есть письменное подтверждение того, что мидийская государственная власть была насаждена далеко на севере бывших урартских владений. На это свидетельствует указывают и Г. А. Меликишвили, но дает ему иное истолкование. Мы имеем в виду сообщение Геродота (I, 104): «Путь из Колхиды в Мидию невелик. Между этими двумя странами живет только один народ, саспейры; миновав его, вступаешь в Мидию». Это надо понимать не в том смысле, что одно грузинское племя саспейров занимало все огромное пространство от Колхиды до исторической области Мидии, как это иногда предполагают, на основании также двусмысленного показания Геродота (IV, 37—40), и как это, повидимому, считает Г. А. Меликишвили; такое понимание противоречило бы указанию самого Геродота, что XIII и XVIII сатрапии ахеменидской державы, соответствующие бывшей территории Урарту, были населены не одними саспейрами, но также армянами, матиенами (хурритами)¹, алародиями (урартами) и др. (III, 93—94; VII, 79). Правильное объяснение сообщению Геродота (I, 104) дал в свое время еще Шпигель²; в контексте I, 104 говорится о временах мидийской державы, и поэтому упомянутые здесь саспейры мыслятся отдельными Колхиду не от исторической области Мидии, а от границ мидийской державы, путь до которой из Колхиды был «невелик»³. Поэтому весьма вероятно, что мидийские войска находились в Закавказье.

Нельзя признать убедительным предлагаемое автором (впрочем, не им впервые) отождествление кардухов, засвидетельствованных Ксенофонтом и другими античными писателями в горах Курдистана, с картами-картвелами. При полном отсутствии других свидетельств о проникновении грузинских племен так далеко на юго-восток одного сходства названий недостаточно для столь ответственного вывода, тем более, что термин «кардухи», как указывает и сам Г. А. Меликишвили, воспринят греками из хуррито-урартской языковой среды. Описание кардухов и гордиеев у античных авторов совпадает с картиной, которую рисуют для этого же района ассирийские источники. Поэтому, вероятно, горцы Гордиены — это те же хуррито-урартские племена, которые жили в этом районе спокон веку. И зачем бы оседлым с глубокой древности грузинским племенам было покидать освоенные тысячелетием их труда районы ради того, чтобы осесть в неприступных горах Курдистана? Заметим также, что термин «курд»⁴ — по мнению многих исследователей, восходящий к термину «кардух», — в настоящее время в этих местах является бранимым обозначением горцев у окружающих их жителей; вполне возможно, что такое положение было здесь и ранее, и что, таким образом, подобно хурритскому же термину «бабхи» («горцы»), термин «кардухи» вовсе не этнический.

Автор вполне правильно отождествляет царство мушков ассирийских источников с Фригией античных авторов и не менее справедливо отождествляет этнический термин «мушки» с «мосхами» греческих источников и «месхами» — грузинских. Но вряд

¹ Материалы топонимии и ономастики западных и, частично, юго-восточных областей Армянского нагорья, в частности приводимые Г. А. Меликишвили, снимают делавшиеся нами ранее возражения против отождествления матиенов с хурритами; ср. термины Mitanni, Mítáni, Maiténi.

² Fr. Spiegel, Eranische Altertumskunde, II, Lpz, 1873, стр. 245.

³ Такова, очевидно, была мысль в использованном здесь Геродотом источнике (вероятно, это был Гекатей), хотя сам Геродот, повидимому, недостаточно ясно понял это, как доказывают восходящие к тому же источнику контексты IV, 37—40.

⁴ Это обозначение самими курдами не употребляется и чуждо их языку.

ли можно утверждать, что именно мушки стояли во главе фригийского объединения. До нас дошли официальные и полуофициальные надписи из Фригии; все они составлены на индоевропейском фригийском языке, а не на языке мушков-мосхов — вероятно, грузинском. По всей вероятности, ассирийцы и урарты называли Фригию по племени, наиболее близкому к их границам и игравшему важнейшую роль на их периферии. То же самое, как было впервые указано Б. Б. Пиотровским, происходило и с наименованием Армении у ее соседей.

Г. А. Меликишвили, к сожалению, уделяет сравнительно немного места сложному вопросу этногенеза армянского народа, хотя этот вопрос выделен в лекции в отдельный раздел. Из формулировки автора¹ можно заключить, что он датирует появление армянских племен на Армянском нагорье лишь временем после падения Урарту (книга, стр. 139 сл.; лекция, стр. 45). С этим вряд ли можно согласиться.

Вопрос о лингвистических связях армянского языка изложен автором несколько упрощенно. Так, нельзя пока безоговорочно относить армянский язык к «анатолийской» («хеттской») ветви индоевропейских языков, несмотря на наличие ряда хетто-армянских лингвистических связей. С другой стороны, совершенно неверно замечание о незначительном якобы влиянии урартского языка на армянский². Напротив, можно с уверенностью утверждать, что почти весь большой слой неиндоевропейской лексики в армянском восходит к урартскому языку. Из двух с небольшим сотен слов урартского языка, значение которых нам сейчас достаточно точно известно, значительный процент составляют слова, отождествленные и в армянском. Эти факты, в большинстве своем подмеченные Г. А. Капанцяном, являются полной параллелью к урарто-грузинским лексическим встречам, предполагаемым Г. А. Меликишвили³. Следует также отметить, что фонетическая система армянского языка носит явно урартский характер, что свидетельствует о длительном существовании в прошлом армяно-урартского двуязычия на широкой территории. Не подлежит сомнению, что и грузинский и армянский языки содержат значительные хуррито-урартские пласты и что в культурном отношении хуррито-урартское наследие в равной мере является наследием грузинского и армянского народов.

Однако наличие в том или ином языке даже очень большого процента слов, восходящих к какому-то другому языку, разумеется, само по себе не свидетельствует о родстве данных языков, если материальная близость не распространяется на весь массив основного словарного фонда и грамматического инвентаря.

Поэтому автор глубоко прав, подчеркивая (лекция, стр. 10—11), что грузинский язык не может быть сведен к хурритскому, урартскому, «протохеттскому» или иному какому-либо известному языку древнего Востока, но что он имел свою собственную индивидуальность еще с глубокой древности. Действительно, тот факт, что грузинский народ поглотил и включил в себя различные хурритские, урартские и хеттские племена, не следует смешивать с совершенно особым вопросом о языковом родстве соответствующих племен с грузинами. К сожалению, автор не всегда достаточно четко проводит здесь грань.

¹ «Падение Ассирийского и Урартского государств создало благоприятные условия мушкам для проникновения в восточном и северо-восточном направлениях... Наряду с мушками-месхами из восточных районов Малой Азии начали проникновение в восточном и северо-восточном направлении также армянские племена» (лекция, стр. 44 сл.). Заметим, что падение Ассирии и Урарту вовсе не создало на их месте некоего политического вакуума; сменившие их Вавилония и Мидия были, в общем, государствами того же типа.

² При этом Г. А. Меликишвили ссылается на мнение Г. А. Капанцяна (книга, стр. 140), что несколько странно, так как именно Г. А. Капанцян установил многочисленные следы урартской лексики в армянском языке.

³ Было бы весьма желательно, чтобы Г. А. Меликишвили дал по этому вопросу специальное исследование.

До сих пор мы говорили почти исключительно о наших несогласиях с Г. А. Меликишвили. Но это не значит, что мы низко оцениваем его работы. Его книга по своему значению выходит далеко за пределы научно-популярной книги для юношества, так как содержит множество чисто исследовательского, нового и оригинального материала. Это — серьезнейшая работа по этногенезу грузинского народа. И поэтому к ней нельзя не подойти с самыми строгими критериями, как к новому слову в науке. Исходя из этих требований, мы ожидали бы от столь серьезного филолога и историка Урарту, каким является Г. А. Меликишвили, более всестороннего освещения истории Урарту и связанных с ним народов.

Но в то же время нет никакого сомнения в том, что в разработке чрезвычайно трудной проблемы ему удалось добиться крупных достижений. Принципиальная постановка вопроса о преимущественно местном происхождении грузинских племен, подтвержденная богатым материалом, интереснейшие соображения о древнейших исторических судьбах западно-грузинских племен (колхи) и восточно-грузинских (мосхи, саспейры, иберы); отказ от столь распространенных в прошлом поисков грузинской прародины, основанных на «случайном сходстве названий некоторых грузинских племен или отдельных областей Грузии с названиями племен, живших в более древние времена южнее» (лекция, стр. 3); попытка дифференцировать этнический состав населения отдельных районов Урарту и его периферии с древнейших времен; указание на необходимость различения саспейров и иберов, несмотря на варианный характер этих двух названий¹; правильный в принципе подход к пониманию исторической роли хуррито-урартских племен в этногенезе грузинского народа — все это делает работы Г. А. Меликишвили пока лучшим из всего, что написано по вопросу об этногенезе грузин.

Надеемся, что в скором времени нам удастся прочесть уже не только научно-популярную работу, а специальную монографию Г. А. Меликишвили, в которой будет с большей полнотой и подробной аргументацией изложена история Урарту и связанных с ним этнических образований, а также будут устранены имеющиеся в рецензируемых работах недостатки.

И. М. Дьяконов

И. М. ТРОНСКИЙ, Очерки из истории латинского языка, Издательство Академии наук СССР, М.—Л., 1953, цена 11 р. 80 к.

В последнее время оживился интерес к изучению истории латинского и греческого языков². Известно, что Н. Я. Марр и его последователи недооценивали научное значение классических языков для общего языкознания. Они использовали из них лишь термины и собственные имена в целях демонстрации пресловутого четырехэлементного палеонтологического анализа. Разоблачение антинаучных марровских концепций открыло широкий путь для глубокого изучения языков античного мира.

Изучение истории греческого и латинского языков, их терминологии дает плодотворные результаты для историков древнего мира. Между тем, кроме переводных работ Нидермана по исторической фонетике латинского языка (М., 1949), Линдсея — по исторической грамматике (М., 1948), Эрну — по исторической морфологии латинского языка (М., 1950), книги Бурсье «Основы романского языкознания» (М., 1952) и Шартрена «Историческая морфология греческого языка» (М., 1953), не имеется ни одной русской работы, излагающей полную историю классических языков. Книга проф. Негушила «Генетическое изложение фонетики и морфологии латинского языка» (Харьков, 1878) описывает явления языка, лишь частично связывая их с его историей. В книге проф. Сергиевского «Введение в роман-

¹ Не следует ли так же ставить вопрос и в отношении «мосхов» и «месхов»? Ср. «словенцев», «словаков» и «словен» или «сербов» — балканских и лужицких.

² См. ВДИ, 1951, № 4, стр. 175—178; ВДИ, 1952, № 4, стр. 129—133.